

КНИГА, КОТОРАЯ РАДУЕТ

НАШЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ редко балует книгами, в которых значительность темы соединялась бы с глубиной исследования. Тем радостнее появление монографического труда о драматургии Самеда Вургуня, принадлежащего перу одного из горячих почитателей его таланта — Мамеда Арифа.

Творчество Самеда Вургуня, столь своеобразное, всегда подкупало удивительной ясностью и простотой формы, прозрачностью и чистотой языка. То же самое характерно для нашего автора, Мамеда Арифа. Читаешь книгу «Драматургия Самеда Вургуня» и поражаешься четкости и стройности изложения, «легкости» стиля, умению автора захватить читателя внутренней логикой суждений; читаешь и всему веришь; тебя охватывает ощущение радости, вызванное честностью и правдивостью письма. Разумеется, это не просто «божий дар», а результат точности знания явлений и фактов, искренности и объективности исследователя, его ответственности перед литературой, перед теми, для кого она создается. Ни следа поспешности, — все продумано, осмыслено, взвешено. И, очевидно, в подобных случаях важность книги не только в ее познавательной силе, но и в том, что она воспитывает морально, служит примером для тех, кто призван быть ценителем художественных явлений.

Структура книги соответствует хронологии создания пьес драматургом. В ней четыре главы (каждая об одной из пьес) с небольшим, но очень емким и важным по содержанию заключением. Автор тщательно, но без утомительных подробностей анализирует темы, образы и идеи пьес, выявляет их художественное своеобразие, привлекает высказывания критики, спорит с теми оценками, которые он считает неверными или неточными; иногда пользуется мемуарным материалом, что очень оживляет изложение; делает небольшие экскурсы в историю драматургии и театра; все это интересно и убедительно.

Но у книги «Драматургия Самеда Вургуня» цель не только в том, чтобы объяснить творчество поэта-драматурга, комментировать его художественные идеи. Она и в том, чтобы вести большой разговор о своеобразном явлении художественной практики, заострить внимание на узловых проблемах драматургического наследия Самеда Вургуня, отделить историческое, отошедшее, от того, что составляет интерес в перспективе, подчеркнуть то, что недостаточно полно было решено драматургом и что ждет своей дальнейшей разработки. Словом, эта книга действенная, активная, она значительна по теме и очень важна своими суждениями относительно эстетических ценностей, которыми обогатил нашу литературу Самед Вургун. Эта книга актуальная, зовущая к большим раздумьям о судьбах нашей драматургии и театра

Мамед Ариф. Драматургия Самеда Вургуня. Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1964 г.

КАК ВАЖНА, например, шекспировская, я бы сказал, традиция драм Самеда Вургуня, которые, как правило, отличались масштабностью своей тематики, затрагивая важнейшие стороны развития народа. Мы создаем невиданный в истории человечества общественный строй, который означает коренной перелом в жизни народов, и этот пафос нового должен быть передан в произведениях искусства. Самед Вургун глубоко понимал это. Он был врагом мелкотемья, отвергал всякую попытку под видом «жизненной правды», «реализма» упрощать задачи искусства.

В понимании взаимоотношения жизни и искусства Самед Вургун никогда не отходил от законов реализма, но он был тысячу раз прав, когда указывал на опасность механического уподобления жизни и искусства, на умаление значения субъективного фактора в художественном процессе: талант, считал он, нельзя замкнуть в рамки жизненной текучки, бытовщины, узкий мир личных интересов. Таланту свойствен порыв, стремление к крупным планам. Другое дело, как все это раскрывается в произведениях; значительность тематики и идей предполагает бесчисленное число художественных решений, стилей и жанров. Самед Вургун облюбовал такое направление в творчестве, которое толкало его на поиски драматически острых и ярких жизненных ситуаций, сложных социальных конфликтов, больших человеческих характеров и монументальных форм.

Отсюда другая важная черта драматургии Самеда Вургуня — это образ главного героя, который способен отобразить важнейшие черты духовного облика народа и подняться до уровня идеала. Книга Мамеда Арифа очень привлекательна в своих размышлениях относительно проблемы положительного героя, о том, что всегда занимало Самеда Вургуня: соотношение положительного и идеального в образе центрального персонажа.

Книга заставляет более внимательно вслушаться, всмотреться в то, что говорил и делал драматург, добываясь органического, нерасторжимого слияния реализма с революционной романтикой. Самед Вургун любил, чтоб искусство было почвенным, национально-своеобразным, чтоб у него была, как говорится, родина, земля, но ему чужда была «приземленность», — в этом он видел опасность измельчения и оскуднения. Поэтому, пользуясь любым случаем, он призывал к искусству больших жизненных обобщений, к полету мысли, к философской значительности. И не только призывал, но следовал этому в своей художественной практике. И здесь была его сила.

Однако не всегда сильное является бесспорным. Так случилось и с эстетической концепцией Са-

меда Вургуня — она вызывала споры и разногласия. Поэтому вполне естественно, что Мамед Ариф в своей книге не обходит слабостей позитивной программы Самеда Вургуня, делая это с присущим ему спокойствием и тактом. Автор соглашается с теми, кто упрекает Самеда Вургуня в том, что в поисках романтического он иногда отрывается от реального, точно так же, как, стремясь к идеальному, он впадает в отвлеченность. Но для него, как исследователя, важно не только это, но и то, почему в одних произведениях, скажем, в «Вагифе», подобная слабость не наблюдается, а в других, например в «Инсане», сказывается даже с избытком. И другое: следует ли, исходя из этого, признать подобного рода произведения, в которых есть и отвлеченность, и абстрактное философствование, нежизненными вообще?

В ТОМ и ценность исследования Мамеда Арифа, что он очень внимателен к автору, к своеобразию его дарования; не спешит с выводами, не стремится навесить на произведения тот или иной «ярлык». Мы понимаем автора, когда, подвергая резкой критике «Инсан», он в то же время не склонен оценивать его как слабое произведение; и тогда, когда, указывая на элементы отвлеченности в пьесе, отказывается признать ее как отвлеченную в целом. Отвлеченность в «Инсане», доказывает он, возникла вовсе не оттого, что Самед Вургун стремится к философской сложности, поэзии мысли, а оттого, что это

стремление, вполне законное и привлекательное, не получило своего воплощения в конкретных образах, живых характерах, поступках и действиях; образ уступает место понятию, чувство — мысли, действие — резонерству. В результате правильные и интересные идеи повисают в воздухе, вступают в противоречие с природой жанра, с законами драматургии. Отсюда вывод: недостатки произведений, подобных «Инсану», следует видеть не в их идее, не в той жизненной правде, которую они выражают, а в методе и стиле, в форме и характере изобразительных средств. В связи с этим Мамед Ариф делает определенные заключения и в отношении реализма Самеда Вургуня.

Некоторые полагают, что, будучи реалистом, Самед Вургун теряет в тех случаях, когда отступает от него. Подобное утверждение кажется нашему автору слишком общим и узким. Да, Самед Вургун реалист, и все написанное им есть результат жизненных наблюдений, но при этом надо подчеркнуть, что и реализм, и мастерство у Самеда Вургуня проявляются по-своему. Наиболее значительно в этом своеобразии — тяготение драматурга к революционной романтике. Революционная романтика, как известно, входит составной частью в социалистический реализм, но у каждого социалистического реалиста она, эта составная часть, проявляется своеобразно. У Самеда Вургуня, например, романтическое носит подчеркнутый, превеликий характер, настолько, что иногда доводится до уров-

ня символического. В этом драматург видит путь к более яркому воспроизведению жизни, хотя и в этом же источник его срывов, отклонений от реальности, от правды характеров.

Книга Мамеда Арифа сильна конкретным анализом и точными выводами, верными обобщениями. Чтобы убедиться в этом, ее надо прочитать, продумать и осмыслить. Но кое-что, представляется нам, в ней можно было бы еще углубить. Например, расширить заключительную главу книги, чтобы яснее раскрыть элементы мастерства драматурга, в частности того художественного приема саморазоблачения персонажей (Каджар в «Вагифе»), который, по мнению П. Антокольского и автора исследования, уходит своими корнями в «народный театр». Кстати, о театре. Мамед Ариф дополняет каждый раз свой анализ пьес сведениями об их сценическом воплощении, но, кажется нам, делает он это несколько поверхностно и неинтересно. А жаль — от нашего автора можно было бы ожидать большего и в вопросах сценической трактовки драматургии Самеда Вургуня. Но, видимо, он не претендует на исчерпывающий характер своего исследования. Ну что ж. Достаточно и того, что он порадовал нас умным и тонким позитивным и критическим, одновременно литературоведческим анализом пьес Самеда Вургуня, поднял проблемы, сохранившие свою значительность и актуальность и в наши дни.

Дж. ДЖАФАРОВ.